

Социокультурные и институционально-политические аспекты российской модернизации

А.В. Сперанский

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

В России теория модернизации стала активно использоваться в исторической методологии только с конца 1980-х гг. Ее основные положения были известны российским историкам-методологам и раньше, но в силу идеологических и политических причин они могли рассматриваться лишь как объект критики с позиций советского официального марксизма. Только после того как марксистская методология утратила лидирующие позиции, модернизационная парадигма стала применяться к исторической эмпирии с позиций познавательной эффективности и наведения хотя бы какого-либо порядка в возникшем концептуальном хаосе.

Серьезным импульсом в развитии модернизационных представлений применительно к русской истории стал 1993 г. В этом году в журнале «Вопросы философии» были опубликованы материалы круглого стола «Российская модернизация: проблемы и перспективы»¹. Развернувшаяся на страницах журнала дискуссия наглядно показала хобенность освоения модернизационной концепции российскими интеллектуалами. Все предлагаемые участниками диспута с этой наменной позиции историко-теоретические конструкции зиждились в первую очередь на идейно-политической основе. Однако по разному понимая сущность российской модернизации, ее периодизацию, значение и перспективы, все ученые признали главный постулат теории, разработанный еще в лоне западной историко-методологической мысли: дуацикличность мирового исторического процесса и всеобщий характер перехода от аграрного к индустриальному обществу. Правда, при этом были отмечены специфические черты, отличающие российскую модернизацию от западной:

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-Урал № 08-01-83107 а/У и в рамках программы ОИФН РАН «Советская политическая система в истории России: особенности геополитического и регионального развития».

– большое влияние экзогенного фактора («вторичная модернизация»);

– крепость традиционалистской (религиозно-цивилизационной) новы, отторгавшей инновации, привнесенные «извне»;

– парциальный (прерывный, не комплексный) характер процес

Заметим, что в начале 1990-х гг. теория модернизации рассматривалась как некая составляющая цивилизационной концепции, противопоставлявшейся марксизму в виде труднообъяснимой эклектики (некой «мешанины» точек зрения и взглядов), не имевшей ничего общего с классическими цивилизационными воззрениями А. Тойнби, О. Шпенглера или Н.Я. Данилевского. Дискуссия 1993 года вывела модернизационную концепцию из сферы схоластического жонглирования терминами, предопределив ее самостоятельное развитие в историческом поле истории России в соответствии с западными канонами. Однако выделение подавляющим большинством сторонников этой концепции специфических черт российской модернизации, признание России «особой страной», плохо поддающейся вестернизации, сохранила в ней цивилизационные мотивы, обусловив некую «пограничность» с цивилизационным подходом, дающую возможность вписать большевизм в логику исторического развития России как явление, обусловленное российской культурной традицией, и поддвигать так называемую «русскую идею», претендующую сегодня на место коммунизма.

Наиболее ярко «пограничность» модернизационного и цивилизационного подхода при объяснении исторического пути России проявляется в теории псевдомодернизации, сформулированной А.С. Ахиезером в труде «Россия: критика исторического опыта»².

В этой работе, ходившей в самиздате по рукам в 1970-е гг., изъятая и частично уничтоженная КГБ в 1980-е гг., восстановленная и опубликованная в начале 1990-х гг., Ахиезер называет Россию «промежуточной» цивилизацией, развивающейся рывками. Это даже не развитие, а по меткому выражению главного критика теории псевдомодернизации В.П. Данилова «пульсация»³, осуществляющаяся на основе инверсионных циклов, под которыми понимаются некие разнонаправленные колебания. Направления колебаний зависит от нравственных изменений, влияющих на поведение людей. В результате, все «особенности» развития России по Ахиезеру есть ничто иное, как отрицательные моменты, не позволяющие идти в ногу с западной цивилизацией. Все, что ни происходило с Россией, имеет приставку «псевдо», обозначающую ложный, мнимый исторический путь. По мнению А.С. Ахиезера, псевдомодернизация обуславливается и тем, что «Россия — расколота цивилизация». «**Правящий слой**» стре-

дился к модернизации, видя в ней только «средство умножения дефицитных ресурсов», а большинство населения страны, отторгав ее как разрушителя привычного уклада и образа жизни.

Особый интерес в первой половине 1990-х гг. вызвала теория «имперской модернизации» России, обоснованная В.Г. Хоросом. По мнению ученого, модернизационные процессы в России начались с преобразований Петра I, характеризовавшихся широким заимствованием Запада в первую очередь военно-промышленных технологий, взамен на традиционный вывоз сырья. Петровская модернизация отличалась также укреплением **бюрократической вертикали центральной власти** и усилением гнета народных масс. Как считает В.Г. Хорос, все эти «классические» черты русской модернизации только под другими идеологическими лозунгами, проявились и в трансформационных советской эпохи. Реформы, осуществляемые «сверху» под контролем традиционалистских элит, социокультурная неоднородность российского общества в конечном итоге и не способствовали утверждению в России важнейших основ модернизации, таких как частная собственность, гражданское общество и правовое государство. Таким образом, по мнению Хороса, Россия проводила некую «запоздалую модернизацию», быстро разрушавшую старое, но не утверждавшую новых социальных институтов⁴.

Характеризуя особенности российской модернизации, нельзя не остановиться на точке зрения С.Я. Матвеевой, высказавшей положение о «догоняющей модернизации» в России. Наряду со ставшими уже традиционными характеристиками, такими как социокультурный раскол, трудная приспособляемость к вестернизации, автор обращает внимание на то, что, в отличие от Запада, где ведущую роль в модернизационном процессе играла буржуазия, в России **«двигателем прогресса» был государственный служащий, то есть чиновник**, что естественно накладывало бюрократический отпечаток на все преобразования. Кроме того, бросаясь вдогонку за Западом, постоянно уходящим вперед, Россия металась от одного модернизационного этапа к другому, оставляя огромное количество не решенных на предыдущем этапе проблем. Она как бы «проскакивала» необходимые моменты исторического развития, оставляя позади себя социальные, экономические, политические и культурные «пустоты», мешающие ей в дальнейшем продвижении вперед⁵.

Во второй половине 90-х гг. XX века — начале XXI века модернизационный взгляд усилил свои позиции в методологии истории России. К этому времени российские «модернизационщики» достаточно глубоко изучили воззрения своих западных визави, выработали свой научно-методологический инструментарий, дающий возможность не

только заученно повторять сделанные до них выводы, но и высказывать собственные суждения. Появилось достаточное количество работ методологического характера, написанных на междисциплинарной основе, касающихся как глобальных проблем модернизации, так и ее отдельных направлений. Наряду с признанием двух возможных векторов модернизационного перехода (линейного и парциального), сегодня высказываются мысли о возможности третьего пути — так называемой неомодернизационной или постмодернизационной модели социальной трансформации, основанной на положительной роли **социокультурной традиции**. Такая точка зрения, обосновывающая многолинейную версию модернизации присуща В.В. Алексеву, И.В. Побережникову и ряду других исследователей⁶.

На междисциплинарной основе написан труд В.А. Красильщикова «Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций»⁷. Это историко-социологическое исследование научно-популярного характера хотя и имеет ссылки на А.С. Ахиезера, В.Г. Хороса, А.С. Панарина, все же главным образом опирается на достижения западной методологии. Автор стремится показать особенности российской модернизации на фоне общемирового процесса перехода от аграрного к индустриальному обществу. Как и ранее названные представители современного модернизационного направления, Красильщикова обращает внимание на экзогенность, поверхностность и **бюрократичность** **российского варианта модернизации**, подчеркивая негативное влияние на нее социокультурного раскола российского общества. По мнению ученого, все названные особенности несут себе отрицательный заряд и значительно снижают эффективность модернизационных трансформаций. Отмечая противоречивость модернизации России, автор, на наш взгляд, очень удачно и остроумно замечает, что она «стремится в будущее, пытаясь остаться в прошлом и уйти от настоящего».

Несмотря на приверженность цивилизационному подходу, модернизационная парадигма прослеживается и в произведениях Л.И. Сменниковой. Отталкиваясь от идеи цивилизационной неоднородности российского социума, исследовательница говорит о противоречиях, непоследовательности и непредсказуемости результатов пяти российских модернизаций: «петровской», продолжавшейся с XVIII в. до середины XIX в., «александровской», охватившей вторую половину XIX в. «столыпинской», имевшей место в начале XX века, «сталинской», развивавшейся в советский период нашей истории и «ельцинской», случившейся на рубеже XX—XXI вв. Для всех российских модернизаций, по мнению ученой, было характерно гипертрофированное значе-

ние личностного фактора, втягивание в них, главным образом русскоязычного населения. Среди всех названных модернизаций, как считает Л.И. Семенникова, наиболее последовательной, комплексной и эффективной была советская модернизация⁸.

Если работы В.А. Красильщикова и Л.И. Семенниковой носят в целом умозрительный характер, то двухтомное исследование Б.Н. Миронова базируется на огромном фактологическом материале, отличается постановкой новых задач и интерпретационной новизной при их решении⁹. Поставив во главу угла проблемы генезиса личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства, автор приходит к выводам, что российская держава «европейского происхождения», что в российской модернизации не было никакой неорганичности и она не носила «догоняющего» характера, а в русской цивилизации нет никакой исключительности и специфичности. Миронов акцентирует внимание на национальных особенностях России, обусловленных религией, многонациональностью, природно-климатическими условиями, различиями политического и культурного характера, показывает факторы, сдерживающие модернизационный процесс (социокультурный раскол общества, потребительская трудовая этика крестьянства, антибуржуазные настроения, слабая секуляризация массового сознания), но в целом подчеркивает «встроенность» России в круг европейской цивилизации.

Б.Н. Миронов высказывает интересную мысль о том, что стремление России постоянно идти в ногу с Западом часто приводило к необоснованному забеганию вперед. Это выражалось в надуманных реформах в условиях существования еще крепких и здоровых традиционалистских институтов. В результате происходило объективное отторжение «заморских новинок», и к 1917 году модернизация в России не была завершена. Хронологические рамки исследования не дают возможности ученому всесторонне рассмотреть модернизационные процессы в России в условиях большевистской власти, тем не менее, отмечая их непоследовательность, он утверждает, что они способствовали значительному сокращению отставания России от Запада и ее вхождению в круг самых развитых стран мира.

Несколько иных взглядов на обозначенные проблемы придерживается В.В. Согрин. Он критикует Б.Н. Миронова, отмечая, что его выводы о России как неотъемлемой части европейской цивилизации, сделанные во втором томе, не стыкуются с заключениями о «незрелости» российской модернизации, высказанными в первом томе. Согрин считает, что различий между Россией и ведущими западными странами значительно больше, чем указывает Миронов, и они уходят своими корнями в более далекие, чем XVIII век, исторические эпохи.

Истоки западной цивилизации, отмечает исследователь, покоятся на античной традиции, в то время как российская имеет только византийско-ордынский фундамент.

Что касается модернизационных трансформаций XX века, то, по мнению Согрина, их нельзя сводить только к процессам индустриализации или материально-технологическому прогрессу. Важное значение имеют факторы, связанные с развитием рыночной экономики, становлением демократических институтов управления обществом (представительное правление, реальное разделение властей и т.п.). Ничего подобного в советской модели социально-экономических общественно-политических преобразований создано не было, поэтому сам термин «модернизация» применим к ней с большими оговорками¹⁰.

Противоположной позиции придерживается А.Г. Вишневский. В своей работе «Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР» он несет мультидисциплинарный характер и основывающейся на синтезе исторических, экономических, философских и публицистических методов, он выступает против принижения российского перехода от аграрного к индустриальному обществу до уровня «псевдо» или «анти-модернизации». Анализируя общий ход советской модернизации и ее региональные особенности, Вишневский указывает на огромный положительный эффект ее результатов, сделавших СССР вполне конкурентноспособным по отношению к ведущим странам запада. В Советском Союзе, как утверждает этот ученый, вполне успешно реализовались пять модернизаций: экономическая, городская, социологическая, демографическая и культурная. К сожалению, они не были доведены до конца, что было обусловлено их конструктивным и инструментальным характером, выражавшемся в том, что реформаторы

— опирались на механизмы отжившего традиционалистского общества;

— блокировали развитие новых социальных институтов, таких как частная собственность и либеральная демократия;

— стремились усовершенствовать, главным образом, материально-техническую базу социума, не уделяя должного внимания трансформации личности от «соборности» к «индивидуализму».

В итоге инструментальные цели пришли в противоречие с консервативными методами осуществления реформ, что и привело к краху советской супердержавы и ее модели развития¹¹.

К разновидности модернизационной точки зрения на русскую историю XX века можно отнести теорию А.В. Оболонского. Рассматривая Россию как отдельную цивилизацию, этот автор выделяет две основные тенденции, лежащие в основе ее исторического процесса:

– системоцентризм, предполагающий примат государства в общественной эволюции;

– персоноцентризм, основывающийся на примате личности.

Обе тенденции, по мнению исследователя, развиваются параллельно, однако склонны к сближению и имеют даже некие переходные моменты, способные обеспечить переход от одного состояния к другому. Россия на рубеже XIX/XX веков и на рубеже XX и XXI веков получала хорошие перспективы персоноцентристского, то есть демократического развития, но с завидным постоянством упускала свой шанс, оставаясь в рамках государственной бюрократии «большевистской диктатуры» или «президентской республики»¹².

«Модернистский» взгляд на историю России обозначил в своей монографии и В.В. Керов. Характеризуя деятельность русских предпринимателей старообрядческого, религиозного направления, он подчеркнул важность социокультурного фактора в развитии модернизационного процесса, начавшегося, по его мнению, с духовно-религиозного обновления¹³.

Подводя итоги, концептуально-историографической характеристике использования теории модернизации при изучении истории России, еще раз отметим разноплановость восприятия российскими историками этой методологической парадигмы. Активное изучение точки зрения «западников» и попытки применения их теоретических выкладок к российской истории породили несколько оригинальных, но противоречивых модернизационных интерпретаций: «псевдомодернизация», «имперская», «догоняющая», «запоздалая», «вторичная» модернизация, «постмодернизационная» модель и т.д., и т.п.

Они не носят завершенного, всеобщего характера и допускают альтернативные варианты при оценках исторической эволюции России. Имевшие место попытки сближения позиций, на основе их синтеза, выбора из имеющегося множества одной наиболее привлекательной концепции, коррелирования с марксизмом и т.д. пока не обозначили сколько-нибудь серьезных позитивных сдвигов в сторону разумной интеграции¹⁴.

К сожалению, дискуссии так и не пришли к какому-то единому знаменателю, сохранив в мире модернизационных представлений об истории России плюрализм мнений. И все же, при всем разнообразии и противоречивости подобного рода интерпретаций истории России XX века можно выделить общее, что объединяет все эти взгляды в рамках модернизационной традиции. Это признание особенностей в модернизации России и слабая приспособляемость ее механизмов к вестернизации.

1. Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1993. № 7.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 1—3.
3. Данилов В.П. Современная российская историография: в чем выход из кризиса // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 100.
4. Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.
5. Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1993. № 7.
6. Алексеев В.В., Побережников. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Сб. науч. статей. Екатеринбург, 1998. С. 8—32; Он же. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5—6; Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. С. 8—49; Опыт российских модернизаций XVIII—XX века. М., 2000; Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Вып. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 217—246; Он же. Теория модернизации: от структурализма к структурационному анализу // Гуманитарная наука и образование как фактор национального развития: Материалы научно-практической конференции (Екатеринбург, 13—14 мая 2002 г.) / Уральский гуманитарный институт. Екатеринбург, 2002. С. 61—72; Он же. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Родкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146—168. Он же. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации. 2006.
7. Красильщиков В.А. Вдгонку за прошедшим веком. Развитие России в веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.
8. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 2001.
9. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества правового государства. В 2-х т. СПб., 1999.
10. Согрин В.В. Клиентелария и историческая реальность: тест на современность (Размышления над монографией Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи») // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 144—160.
11. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. 1998.
12. Оболонский А.В. Драма политической истории: система против личности. М., 1994.
13. Керов В.В. Се человек и дело его... Конфессионально-этические факты старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004.
14. Ковальченко И.Д. Некоторые вопросы методологии истории // Новая и новейшая история. 1991. № 5; Соколов А.К. Лекции по советской истории. Становление советской системы. М., 1995; Черняк Е.Б. Цивилизации и революция // Новая и новейшая история. 1993. № 4.